

Великие собеседники

Книга М.В.Алпатова о М.А.Врубеле

За редким исключением постижение творчества Михаила Врубеля не является "озарением"; к художнику "идут", его искусство открывают постепенно, шаг за шагом. Иные ученые обратились к творчеству Врубеля в последние дни своей жизни, сверяя свой опыт с тем сокровенным и тайным, что были доступны художественному гению. Книги о М.Врубеле последними стали у А.А.Федорова-Давыдова (1969), у П.К.Суздалева (1984). Теперь перед нами еще одно свидетельство — книга "Живописное мастерство Врубеля" (М., "Лира", 2000). Она была задумана М.В.Алпатовым в период тяжелой болезни. Когда ученый почувствовал, что силы покидают его, он доверил свои наброски и план работы Г.А.Анисимову, завершившему книгу. Помнится, что Федоров-Давыдов делился мыслями о своем замысле с автором этой рецензии. У Алпатова таким собеседником был Григорий Анисимов, художественный критик, эссеист и писатель. Поэтому неуди-

вительно, что именно ему мэтр доверил окончание работы. Это было исполнено, и вот перед читателем последний алпатовский текст, отредактированный и местами восполненный. Мы знаем, какими сложными путями рукописи порой приходят к читателю; потребовался немалый срок, прежде чем бережная реконструкция слова маститого ученого была издана. Сам факт этот свидетельствует о том, что "рукописи не горят", что ушедшее не уходит, что молвленное не умирает, а ставшее почти легендой воскресает.

И хитрость истории привела к тому, что текст появился в нужное время. В этюдах о Врубеле Федоров-Давыдов, к сожалению, не успел сказать в развернутой форме того существенного, что, судя по беседам с ним, хотел, а именно — об этическом нерве творчества мастера. Тогда, в 60-е годы, проблема морального самочувствия художника и психического здоровья общества была наиглавнейшей. Чуть позже

Суздалев угледел шопенгауэровскую традицию в русской культуре, что было для всех внове. Алпатов же заинтересовался другим: "живописным контекстом" мастерства художника и тем, какие духовные прозрения сулил подобный контекст. Это было именно по-алпатовски. А то, что книга оказалась в результате написана "в две руки", вполне созвучно нашему постмодернистскому самочувствию. Более того, надо оценить, с каким мастерством и тактом Анисимов довел осуществление замысла до конца, став полноправным соавтором книги.

Что характерно для мышления Алпатова: в тексте сравниваются разные манеры живописи и смысл, который за ними скрывается. Тут многое решено по-новому, порой неожиданно. Отрицая сезанновскую линию в искусстве как единственно доминирующую, Алпатов рисует прихотливые зигзаги всевозможных сходств и различий. Тут привлекут сопоставления с Эдуар-

дом Мане, импрессионистами, Ван Гогом, Роденом. Часто и настойчиво повторяется мысль о возможном "врубелизме" у Пикассо и о его "ограниченном" следе в кубизме. Эрудиция ученого помогает ему находить удивительные переключки мотивов форм и композиционных приемов у Врубеля и его современников, не говоря уже о мастерах салонного и академического искусства Франции и, конечно, старых мастерах. Если бы можно было по-другому сформулировать название книги, ее можно озаглавить "Врубель среди современников и старых мастеров". Образы Врубеля под пером Алпатова (часть изданного наговорена) возникают среди фаюмских портретов, мозаик Равенны, картин Рембрандта и Веласкеса, Делакруа и Мане, Дега и Гогена. Так обозначена духовная и живописная традиция, связанная с творчеством мастера. Алпатовская эрудиция здесь проявилась, как всегда, ярко. При этом индивидуальность мастера не растворена в аналогиях, ибо не только о них идет речь. Весь интерес в переключках не столько формальных, сколько внутренних.

В тексте много тем и "зачинов". Тут можно встретить фрагменты стихов разных поэтов, как старых, так и современных художнику. Особенно привлекательна глава "Портреты", ибо сам выбранный материал ставит наисложнейший вопрос о видении мастером своей модели, о реальности и о воображении. Наконец, ученый обращается и к "бездне" — к теме "Болезнь художника", стараясь понять трагедию мастера. У него нет сомнения, что работа над "Демоном поверженным" усилила симптомы нервного истощения.

Как и в своей известной книге о творчестве Анри Матисса, М.В.Алпатов выбирает особо полюбившиеся ему картины и рисунки. Назовем их, чтобы понять, о чем, собственно, идет речь (тем более что сам автор составил список иллюстраций к своей монографии). Его тревожат "Девочка на фоне персидского ковра" и "Гадалка", карандашные рисунки (натюрморт, пейзаж, "Бессонница"), ряд портретов, и среди них образы жены и В.Я.Брюсова, "Сирень" и "Демон поверженный", эскиз "Надгробный плач" и майолики. Этот выбор близок и современному ценителю русского искусства. Конечно, вспоминается многое другое, но эти образы привлекают уже сто лет, становясь символами всего русского искусства, его духовной традиции. Об этом говорится и в предисловии к книге, написанном академиком Д.В.Сарабьяновым.

М.Врубель. "Гамлет и Офелия" (фрагмент). 1884 г.

Валерий ТУРЧИН